

Возникновение славяноязычных арабскоалфавитных рукописей белорусских татар

Первые сведения о языке татар Великого княжества Литовского (ВКЛ) относятся еще к началу XIV в. В францисканском ежегоднике за 1324 г. сообщалось, что «братья (монахи), которые отправились в государство литовское с целью оглашения науки Христа, неожиданно встретили людей, которые прибыли из края какого-то хана, и отправляли молитвы своим языком азиатским». В феврале 1414 г. посол английского короля Гилберт де Лангой, который ехал из Вильно в Пруссию через Троки, в дневнике отмечал, что во многих деревнях большое количество татар, которые имеют своеобразный язык, называемый татарским [1, С. 181-182].

Первые сведения о татарских поселениях в Великом княжестве Литовском относятся к началу XIV века. Великие литовские князья приглашали татар к себе на военную службу. Известно, что в битве с тевтонами в 1319 г. из татар состоял передовой отряд войска Гедымина (1316–1341). Позднее литовские князья Кейстут и Ольгерд в войнах с Орденом крестоносцев, Польшей и Москвой не раз заключали союзы с татарами из Кипчака. Вероятно, уже тогда некоторые татарские отряды, постоянно поддерживая литовских князей и состоя у них на службе в качестве наемных солдат, осели на их землях при городах и замках.

Самые большие поселения татар отмечены в период правления великого князя Витовта в конце XIV в. При князе Витовте установились тесные отношения с Золотой Ордой и с крымскими ханами из династии Гиреев. После Люблинской унии 1569 г. и образования Речи Посполитой отношения с Крымским ханством продолжались.

Татары, которые пришли в Великое княжество Литовское из Золотой Орды и Крыма на рубеже XIV-XV вв., говорили на чагатайском языке (это один из восточных диалектов турецкого языка, относящийся к куманско-кипчакской группе). Он был официальным и литературным языком Золотой Орды. В хамаилах (молитвенниках) белорусских татар имеется много текстов на чагатайском языке, которые относятся к наиболее раннему периоду истории белорусских татар. Бесспорно, отдельные племена, входящие в состав Золотой Орды, отличались между собой диалектами, но решающим в развитии письменности и речи ее

высших слоев был официальный чагатайский язык. Следы этого языка, кроме вышеупомянутых текстов, сохранились в памятниках древней письменности белорусских татар, в некоторых фамилиях, названиях гербов, а также в названиях некоторых блюд [2, С. 269].

С начала XVI века, с момента установления в Стамбуле халифата, сильное воздействие на белорусских татар стала оказывать османская культура, с которой они знакомились, приезжая в Турцию во время паломничества к святым местам Мекки и Медины. Свидетельства этого влияния содержатся в трактате «Risale-i-Tatar-i-Lech» (1558 г.). Уже тогда среди татар стал отмирать чагатайский язык, связи с Казанью и более отдаленным Туркестаном были утрачены, а в сравнительно близком Крыму произошла османлизация в сфере языка и культуры. Те татары, что путешествовали в Турцию, вместе с написанными стамбульскими каллиграфами религиозными книгами переняли из этой страны и османский язык. И если, начиная приблизительно с середины XVI века, кто-то из них умел говорить «по-турецки», это значит, что он говорил на османском языке. В религиозных книгах белорусских татар XVII в., а также и в позднейших изданиях часто встречаются тексты на османском языке [3, С. 53-70].

Данные второй половины XVI в. подтверждают утрату татарами родного языка. Автор «Risale-i-Tatar-i-Lech» («Трактат о польских татарах»), выражая пожелание, чтобы дети белорусских татар могли изучать арабский и османский языки, замечал, что если татары в ВКЛ не могли говорить по-арабски и турецки, то знали другие языки: «...ведь каждый в нашей стране говорит на двух распространенных там языках» [4, С. 250]. А в другом месте трактата сказано, что татары, проживающие в городах, забыли свой язык и пользуются местным. Но при этом автор подчеркивает, что «...до сих пор сохранили свою веру». Однако были татары, которые, согласно трактату, говорили по-турецки – это «те, что ...сами недавно прибыли в эти края» [4, С. 251-252]. Об утрате татарами родного языка во второй половине XVI в. свидетельствуют и другие источники. Анонимный автор письма Давиду Хитраэсу в 1581 г. утверждает, что белорусские татары пользуются местными языками [5, С. 122-123]. Нет сомнения, что в начале XVII века в некоторых татарских поселениях еще говорили по-турецки. М.Чижевский в своей книге «Альфуркан татарский» (пасквиль на татар. 1616 г. – К.З.) подчеркивает: белорусские татары имеют особый и необычный язык [6, С. 181]. В течение XVII в.

белорусские татары полностью отказались от турецкого языка, о чем свидетельствовал турецкий историк XVII в. Ибрагим Паша [7, С. 52]. Тем, кто уже не понимал по-татарски, в китабе I-й половины XVIII в. предлагалось: «Калі хто па-татарску не ўмее, то па-руску нехай абракайецца (высказывается намерение перед тем как читать молитву или начинать то или иное дело)» [8].

Языковая ассимиляция была причиной возникновения белорусских текстов, написанных арабским письмом [9, С. 14; 10, С. 6]. Первые белорусские переводы возникли в середине XVI в., а в XVII-XX вв. – польские [8]. При этом появление славяноязычных религиозных книг, написанных арабским письмом, совпало по времени с Реформацией, когда у народов, входящих в состав ВКЛ, возрос интерес к своей истории, культуре, религии. Именно к этому периоду относится и первый перевод Корана на белорусский язык [11, С. 206-217; 12, С. 1-2].

Произведения литературного творчества белорусских татар дошли до нашего времени в виде рукописных сборников середины XVII-XIX вв.* [13, С. 39; 14, С. 120-121; 15, С. 21-23] различного содержания. Отличают несколько видов таких сборников. Наибольшую ценность для изучения древнего белорусского языка имеют китабы.

Содержание китабов (арабск. *китаб* – книга) составляют фрагменты из Корана, предания о жизни и деятельности пророков, и в первую очередь – пророка Мухаммеда, *хадисы* – подтвержденные другими лицами высказывания и свидетельства пророка Мухаммеда. В частности, к хадисам относятся как короткие высказывания, так и большие произведения, например, легенда Мерадж (от арабск. *аль-ми'радж* – лестница, ступени) – вознесение пророка Мухаммеда на небо на крылатом коне по имени Бурак, посещение пророком мусульманского рая и ада. Легенда встречается в пяти китабах XVII-XIX вв. и в Китабе Хасеневица (1832 г.) из частной коллекции белорусского ученого И.Канапацкого [10, С. 81-90]. Востоковед Г.М.Мередит-Оуэнс и белорусский просветитель А.Надсон нашли список этой легенды в китабе 1831 г. из собрания Британской библиотеки в Лондоне [16, С. 162-163]. Список этой легенды находится и в китабе (11Рк15) из коллекции Национальной библиотеки Беларуси. В китабах можно также найти коранические легенды, например, про

смерть Марьямы (Марии, матери Иисуса Христа – К.З.), случаи из жизни Иисуса (в текстах Исы – К.З.).

В китабах белорусских татар встречаются легенды, аналогичные бытовавшим на Востоке. Например, легенда «О семи спящих братьях», «О перстне Соломона», «Об Александре Великом». Некоторые легенды из китабов своими корнями уходят в далекое домусульманское прошлое.

Морально-поучительные истории, которые включались, как правило, в каждый китаб, затрагивают такие темы, как почтение родителей, пожилых людей, больных, сирот, соседей, «научных», т.е. руководителей мусульманских приходов, имамов. Здесь можно упомянуть несколько интересных повествований такого характера, содержащихся в одном из китабов XVIII в.: «Об уважительном отношении к отцу и матери», «О бережном отношении к сиротам», «О бережном отношении к соседям», «Почтительное отношение к гостям», «Уважение к старшим и ученым людям», «Повесть о нищем и Асафе», «Повесть о пьяницах», «Повесть об Абиде» [17, С. 240]. Немало страниц в китабах отводится рассуждениям про моральные ценности в жизни людей.

Китаб. 1832. (частная коллекция)

[водяные знаки: Клепиков С.А. Книга I, № 68 – 1814, 1829, [1830]; см. также запись переписчика – с. 156-157]; Смиловичи, Минский район.

Размер 4° (31 x 22), 158 с.

Язык арабский, белорусский, польский арабским письмом.

Подчерк несл.

Переписчик Абрагим Хасеневич.

На страницах 1-8 – генеалогическая таблица пророков, халифов и имамов. На с. 156 запись на арабском, польском, русском языках (гражданским письмом): «Абрагим Хасеневич написал эту книгу 20 января 1832 года и подписал своей рукой по-татарски, латински, польски и по-русски Абрагим Хасеневич». На с. 157 – та же самая запись, сверху – печать, вокруг которой – текст по-арабски.

В книге содержатся восточные истории, легенды, морально-этические рекомендации, толкование снов, рыцарские повести, гадания по буквам Корана.

По нашему мнению, именно в китабах содержались различные исторические предания белорусских татар, о которых по причине исчезновения части рукописной литературы в настоящее время

имеются лишь отрывочные сведения авторов первой половины XIX века. Польский ученый Т. Чацкий, упоминая монеты Абу-Саид-Бахадур-хана, правившего в Персии в первой половине XIV века, пишет: «Об этом Абу-Саиде и Багдад Хатун, дочери эмира Джубана (Чацкий дает имена в их французском произношении – К.З.), были еще разные истории, которые рассказывали наши татары при Яне III Августе II: хотя бы неуклюжий роман о Котуне из Богдада (около 1700 году), по-видимому, состоит из этих преданий, несколько, однако, не подходящих для детей Востока» [18]. Из татарских хроник известно, что во время правления Абу-Саид-Бахадур-хана из монгольской династии (Чингизидов) в Персии на политической арене появился бей Хасан Бузург из племени джалаир (представители которого были и среди белорусских татар – К.З.), женатый на Дельшат-хатун, дочери эмира Джубана из Багдада. Желая снискать расположение хана, он развелся со своей женой и выдал ее замуж за хана. Вознагражденный за это и назначенный ханским наместником в Анатолию, Хасан настолько укрепил свои позиции, что после смерти Абу-Саид-Бахадур-хана (1335) смог овладеть его трон и всем государством [19, С. 97]. Несомненно, именно эти события отражены в том «романе», о котором говорит Т. Чацкий.

Кроме того, в книге белорусских татар были рассказы о кипчакских ханах и их дворах, о ханской «басме» (стопе), оттиснутой в восковой массе и являющейся предметом почитания ордынских вассалов и т.д. Об этом примерно в 1840 году сообщил Т. Нарбуту один «любитель всего родного», знакомый с литературой белорусских татар, который отыскал «эти сведения в преданиях, записанных в одной книге их предками буквами арабскими, но языком татарским, смешанным со славянским, то есть диалектом литовско-русским» [20, С. 45-48]. В настоящее время такие летописи не известны в литературе белорусских татар, но не исключено, что более внимательное изучение всех китабов может способствовать открытию этих текстов.

В большинстве китабов дается изложение основных мусульманских догм, более или менее подробное описание обрядов, ритуалов и обязанностей мусульман, например, про соблюдение поста, подаче милостыни, ежедневные молитвы, совершении Хаджа – паломничества в святые места, и самое главное – подчеркивается вера в единого Бога. По такой тематике китабы носят, безусловно, религиозный характер. Однако немало текстов фольклорного характера: толкование снов, гадание по буквам Корана,

астрологические сборники, притчи, восточные приключенческие истории. Поэтому китабы по содержанию можно охарактеризовать как религиозно-фольклорные книги.

Большой интерес для исследователей письменности белорусских татар представляют *хамаилы* – сборники молитв на арабском и тюркском языках с разъяснением смысла по-белорусски или по-польски. Арабское слово *хамаил* обозначает «то, что носят с собой», отсюда на мусульманском востоке так называют талисманы [21, С. 258-259]. У белорусских татар в *хамаилах* большого объема, кроме молитв и обрядов, можно найти календарь, рецепты лечения различных болезней с помощью «нусок», т.е. коротких молитв, записанных на листках, объяснение «нехсевых дней», т.е. плохих, толкование снов. В Слониме сохранился *хамаил*, в котором содержатся молитвы на арабском языке, но комментарии к этим молитвам и к богослужениям даны на чагатайском языке. При сравнении чагатайского *хамаила* с современными, переведенными на русский или польский язык, бросается в глаза их исключительное сходство: арабский текст тот же (только вместо пояснений на чагатайском языке – объяснения на русском – К.З.), тот же календарь, то же толкование снов и объяснение болезней, те же астрологические таблицы [22, С. 139, 141].

Содержание *хамаилов*, как и китабов, разнообразное и нестрогое по размещению. Некоторые тексты *хамаилов* можно встретить в китабах и наоборот. *Хамаил*, включающий наиболее читаемые молитвы, а также ряд логико-астрологических указаний, являлся самым любимым молитвенником белорусских татар. Даже формат *хамаила*, значительно меньший, чем у китаба, был приспособлен к ежедневному, практическому применению. Так как *хамаил* со своими рецептами и заклинаниями от разных болезней, а также толкованием снов и неблагоприятных дней имел значение своеобразного повседневного справочника, татары переписывали его весьма охотно. Число экземпляров этой книги довольно велико. В соответствии со своим содержанием *хамаилы* могут быть разные: обычный, «моллинский» (т.е. предназначенный для муллы и содержащий ритуальные молитвы и пояснения к основным обрядам) и «фалджейский» (преимущественно с магическими формулами и астрономическими таблицами, а поэтому нужный фалджеям – прорицателям).

Изучение *хамаилов* представляет особый интерес для исследователей в связи с их разносторонним содержанием. Именно на *хамаилах* заметна «обкатка» мусульманских представлений в иной

этнической среде и иных климатических условиях. На них видно адаптация исламских традиций к славянским обычаям и поверьям, как это, собственно, происходило повсеместно с исламом в различных зонах его распространения.

Центральное место внутри всей религиозной литературы татар занимают *тефсиры* (*тафсиры*, *тансиры* – арабск. – объяснение, комментарий). Тексты Корана в форме цитат из тефсиров включаются во все виды татарской письменности, в частности в *китабы* и *хамайлы*.

Тефсиры представляют собой Коран на арабском языке с подстрочным комментарием на языке, который можно охарактеризовать как тогдашний белорусский с сильным польским влиянием или как польский с белорусскоязычными элементами. Есть основания предполагать, что текст Корана с подстрочным переводом на белорусский язык хоть и не найден, но существовал, на что указывают частые случаи использования в *китабах* записанных по-белорусски цитат из тефсиров.

Тефсир – 1797 г. (частная коллекция). Годовые знаки: Laucevičius E. № 360 – 1784, 1785 гг.; Клепик в С. А. Книга I, № 5 – 1787, № 361 – 1786, Книга 2, № 11 – 1794; № 89 – 1782 [1786]; № 90 – 1786 [1787]; № 1217 – 1774]. Смилевичи, Минский район.

Размер 2° (33 x 20). 430 л.

Язык арабский, белорусский, польский арабским письмом.

Подчерк нахс.

Книга принадлежала Якубу Мейшутовичу, затем являлась собственностью Исмаила Канапацкого.

Тефсиры обычно являются книгами большого формата, со средним объемом текста около 1000 страниц. В последнее время найдены несколько тефсиров, которые ждут своего исследователя [22]. В том числе самый древний – *Минский Тефсир*. Переписал его мулла минской мечети Урьяш ибн-Исмаил в 1686 году.

В непосредственной связи с тефсирами появились *теджвиды*. В *теджвидах* излагаются правила чтения арабского текста Корана, описывается артикуляция звуков арабского языка.

Еще одна разновидность религиозной литературы белорусских татар – *даловары* (*дуалары*, от османск. – молитвенник) – сборник (сувой) молитв, которые мусульманин носил с собой. Слово произошло от арабского *дуа* «молитва» и тюркского суффикса *-лар*, который придает слову форму множественного числа: *дуа+лар* – *дуалар* (*дуалер*). Именно так называются эти свитки в *китабах*

XVIII-XIX вв. Слово *даловары* – фонетически измененное *дуалары* (*дуалеры*). Как отмечается, *даловарами* (*дуаларами, дуалерами*) в некоторых местностях называют только те сувои молитв, которые кладут покойнику в могилу. А небольшой сувой молитв, который мусульманин носит при себе, называется *грамотка* (слово местного происхождения – К.З.) [7, С. 204].

Рукописные религиозные книги создавали обычно духовные особы (мулла, муэдзин, годжий), а также пожилые люди, не способные к физическому труду, но глубоко верующие. Переписывание книг считалось богоугодным делом, и подходили к нему с большим благоговением. Более старательно, красивым каллиграфическим подчерком писали Коран и китабы, а скорописью – хамаила. В своей работе переписчики пользовались *калемом* (от арабск.), или гусиным пером, а также *энкаустом* домашнего производства. Энкауст мог быть черный или красный (из шафрана). Китабы писали черным энкаустом лучшего качества, с блеском и на лучшей бумаге – такой энкауст был устойчив к атмосферным воздействиям. В других книгах (например, хамаилах) энкауст был более низкого качества, поэтому со временем рыжел. В китабах определение *баб* (от арабск. – глава) писали для лучшей ориентировки красным энкаустом [24, С. 376-378]. Такие же чернила использовались при написании некоторых аятов (стихов) из Корана. Бумажный свиток с молитвами (*далаварами*), который клали покойнику в могилу, часто написан шафраном (распространено в Ляховичах – К.З.) [25, С. 248].

Создание рукописи было процессом трудоемким и дорогостоящим. Помощью каллиграфов пользовались, как правило, состоятельные слои татарского общества. Искусно выполненная рукопись должна была удовлетворять эстетические запросы ее владельца. Она передавалась из поколения в поколение вместе с другими ценностями. Такие Кораны и молитвенники хранились с особой бережностью и ценились наравне с серебром и золотом. В 1729 г. князя Махмед и Фирс Юхновичи Ассанчуковичи били челом королю Сигизмунду I и рассказывали, что их «дядко», князь Килдыш Дмитрович Петрович «записал» им часть своих владений «с дворцами, людьми и всякой недвижимостью: серебром, книгами, крепостными, конями, скотом» [25, С. 6].

Были переписчики, которые красиво писали и выделялись художественными способностями. Их часто просили написать мугир (арабск. мугрун-печать, иконографическое изображение) –

выражение из Корана, иногда сопровождающиеся изображением красивой мечети. Мугиры оправлялись в рамки и вывешивали на стенах мечетей и домов белорусских татар.

Обычно, закончив работу, переписчик на последней странице писал свою фамилию и дату, когда было закончено переписывание книги. Например, в китабе XVIII в. из Крушинян (современная Польша) есть надпись арабскими буквами: «Писан этот китаб года тысяча двести шестого от выхода Мухаммед-Пророка из Мекки в Мидинею, месяца Джимазе-ль-ахира пятого дня, в Сандыко-щизне, Юсуф Хелешевич, наместник войск литовских». Ниже даны две заметки подобного содержания, но с указанием даты христианской эры: 29 января 1792 г., одна на польском языке польскими буквами, вторая – на белорусском языке кириллическим шрифтом [26, С. 191]. Эти записи имеют важное значение для исследователей истории религиозной литературы белорусских татар, так как из них можно узнать о том, кто и когда переписал китаб или Коран.

Переписыванием книг занимались люди, не имеющие светского образования, поэтому подержание их оставалось почти неизменным в течение нескольких веков. Незнание переписчиками арабского и турецкого языков приводило к повторению сделанной ошибки при переписывании какого-либо слова. Исследователями арабскоалфавитных рукописей неоднократно обращалось внимание на вопрос о компетентности (образованности) составителей подобных текстов. Одни считали, что рукописи переписывались образованными, другие – «темными» (непросвещенными) людьми. В зависимости от отношения к данной проблеме решается и проблема искажений в текстах рукописей [9, С. 19].

В государственных библиотеках Беларуси и в Гродненском музее истории религии выявлено 39 рукописей (в том числе фрагменты рукописей К.З.) конца XVII – первой половины XX в. По количеству книжных памятников письменности белорусских татар коллекции Беларуси занимают значительное место среди государственных собраний мира. Для сравнения: в государственных коллекциях Литвы – 40 рукописей первой половины XVIII в. – первой половины XX в., России – 8 рукописей середины XVII в. – первой половины XIX в., Украины – 1 рукопись начала XIX в., Польши – 10 рукописей начала XIX в. – первой половины XX в., Англии – 3 рукописи первой половины XVIII в. – первой половины XIX в., Германии – 1 рукопись первой половины XVII в. [27, С. 74; 23].

Изучением рукописей белорусских татар активно занимаются зарубежные историки, среди них директор Белорусской библиотеки имени Францыска Скорины в Лондоне А.Надсон, польские исследователи А.Дрозд, Ч.Лапич, швейцарский лингвист П.Сутер, литовская исследовательница Г.Мишкинене и др. В 2000 г. в Варшаве, в 2005 г. в Вильнюсе вышли каталоги рукописных книг [27, 28].

Историю и культуру белорусских татар в 1990-е годы исследовали российский историк С.Думин, белорусские ученые А.Смолик и И.Канапацкий. При активном участии И.Канапацкого в 1997 г. в музее Белорусского государственного университета культуры и искусств, в 2001 и 2003 гг. в Центральной научной библиотеке (ЦНБ НАН Беларуси) были организованы выставки рукописей белорусских татар. С его помощью были изданы каталоги рукописных книг. Проблемы исследования книжного наследия белорусских татар рассматривались на научных конференциях, организатором которых был Ибрагим Борисович. На IX Международной научно-практической конференции «Тюркские народы в истории Беларуси» в 2005 г. была организована секция «Книжность тюркских народов» [29, 30; 31, С. 71-76].

К сожалению, до сих пор мало оригинальную литературу белорусских татар знает только узкий круг специалистов. В 1997 и 2003 гг. в Беларуси изданы два каталога рукописей белорусских татар [23, 32]. Каталог 1997 г. включал сведения об 11 рукописях белорусских татар XVIII – начала XX в. из частных коллекций. В каталоге 2003 г. представлены 14 рукописей из коллекции ЦНБ НАН Беларуси. Однако каталогизация рукописей белорусских татар еще не завершена. Белорусские арабографичные тексты не были отражены в изданной в 2003 г. «Анталогіі даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII ст.» В Беларуси не издан ни один арабографичный книжный памятник. Не решена проблема создания страховых копий, перевода ценных документальных памятников на электронные носители.

В ЦНБ НАН Беларуси проводится исследовательская работа по описанию и кодикологическому анализу рукописей белорусских татар из отечественных коллекций. Сотрудниками отдела редких книг и рукописей библиотеки М.Тарелкой и Е.Титовец были исследованы материалы этого учреждения, Национальной библиотеки Беларуси и Гродненского государственного музея истории религии. Рукописи белорусских татар хранятся также в частных коллекциях, однако большая часть их не учтена и не исследована.

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на большую ценность письменности белорусских татар как для славистов, так и для востоковедов (А.Зайончковский, Е.Карский, И.Крачковский, А.Самойлович). Помимо литературно-познавательного, отмечалось ее важное историко-филологическое значение как образца ценных памятников живой старобелорусской речи [34, С. 40-42].

Так как графика старобелорусской письменности основывалась на традиционной кириллице и сохраняла только присутствующие в древнерусском письме знаки, она часто не отражала многие специфические белорусские особенности, такие как аганье, дзеканье, цеканье, широко употребляемые в народной речи XVI в. Насколько традиционное правописание стирало особенности живого разговорного языка, настолько это отражали памятники XVI-XVIII вв., написанные арабской графикой.

Так, по мнению Е.Карского, арабскоалфавитные рукописи «дают много интересного материала для суждения о белорусском языке XVI-XVII вв. Если бы прочесть и исследовать все известные белорусские тексты арабским письмом, то очень может быть, нашлось бы немало весьма интересных особенностей языка, незаметных в памятниках, писанных традиционной орфографией» [35, С. 252]. Из сказанного следует и другой вывод, что так точно передавать особенности белорусского языка мог только тот, кто хорошо говорил на этом языке и чья база речи адаптировалась к местному произношению.

Таким образом, белорусскоязычные тексты, написанные арабским письмом, лучше других памятников отражают специфические особенности диалекты белорусского языка. Изучение китабов* позволяет восполнить пробелы в истории белорусского языка, когда начавшаяся в XVII в. полонизация вытесняла белорусский язык из употребления. Оригинальные тексты (не только религиозного, но и светского характера), скрытые арабским алфавитом, еще долгое время переписывались в своем белорусском варианте. О языке текстов рукописей, которые принято называть польскими, можно сказать, что это был местный разговорный вариант польского языка (сильно белорусифицированный). Поэтому арабскоалфавитные рукописи могут служить еще и важным источником в изучении белорусско-польских языковых отношений в истории функционирования белорусского языка в Великом княжестве Литовском [35; 36; 37; 38; 39; 40].

Літэратура:

1. *Дубинский А.* Славянские элементы в тюркских языках на территории Польши, Литвы и Украины // *Problemy jezykow Azji i Afryki.* – Warszawa, 1987.
2. *Kryczynski S.* Tatarzy litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej // *Rocznik Tatarski.* – Т. III. – Warszawa, 1938.
3. *Мухлинский А.* Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. – СПб., 1857.
4. *Muchlinski A.* Zdanie sprawy o tatarach litewskich przez jednego z tych tatarow, zlozone sultanowi Sulejmanowi w 1558 r. // *TeKa Wilenska.* – Wilno, 1858. – nr. 4-6.
5. *Gwagnin A.* Rerum Polonicarum tomi tres. – Francofurti, 1584. – Т. II.
6. *Czyzewski P.* Alfurkan tatarski. 1616 (1617) (об. *Encyklopedia Polska.* – Warszawa, 1899. – Т. IV.
7. *Кананацкі І.Б., Смолик А.І.* Гісторыя і культура беларускіх татар. – Мн., 2000.
8. *Антонович А. К.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом. Их графико-орфографическая система. – Вильнюс, 1968.
9. *Мишкене Г.* Древнейшие рукописи литовских татар (графика. Транслитерация. Перевод. Структура и содержание текстов) – Вильнюс, 2001.
10. *Несцяровіч В.І.* Старажытныя рукапісы беларускіх татар (і графіка. Транслітарцыя. Агульная характарыстыка мовы. Фразеалогія. – Віцебск: Выд-ва «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2003.
11. *Drozd A.* Swieteczna modlitwa za sultana // *Rocznik Tatarow polskich.* – Gdansk, 1994 – Т. II.
12. *Nosowski J.* Polska literature polonizacyjno-antyislamiczna XVI, XVII i XVIII w. – Warszawa, 1974.
13. *Kosman M.* Protestantyzm i kontrreformacja. Z dziejow tolerancji w Rzeczypospolitej XVI-XVIII wieku – Warszawa, 1979.
14. *Wasilewski T.* Tolerancja religijna w Wielkim Ksiestwie Litewskim w XVI-XVII w. // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce.* – Warszawa, 1974. – №. 19.
15. *Syrokomla W.* Wycieczki po Litwie w promieniach od Wilna. – Wilno, 1860. – Т. II.
16. *Meredith-Owen G.M., Radson A.* The Byelorussian Tartars and their Writings // *The Journal of Byelorusian Studies* – London, 1970.
17. *Borawski F., Dubinski A.* Tatarzy polscy: dzieje, obrzedy, legendy, tradycje. – Warszawa, 1980.
18. *Czacki T.* O litewskich i polskich prawach – Warszawa, 1801 – Т. II. Dodatek «Wyklad publiczny monet kucznych», przyp. Z.
19. Трактат о татарских государствах Ибрахима бен Али из Каффы. (перевод А. Златни) // *Восток.* – 1934. – № 2-4.
20. *Narbutt T.* Dzieje starozytne narodu litewskiego – Wilno, 1840. – Т. VIII. Dodatek IX.
21. *Woronowicz A.* Lowczyce (rekopis) – Warszawa, 1932.
22. *Szynkiewicz J.* Literatura religijna Tatarow litewskich // *Rocznik Tatarski.* – Т. II. – Warszawa, 1935.
23. Рукапісныя і друкаваныя кнігі беларускіх татар: Каталог выставы/ Укладальнікі: Доўнар Л., Самайлюк Т., Дзям'яновіч Т. – Мн., 1997.
24. *Woronowicz A.* Kitab tatarow litewskich i jego zawartosc // *Rocznik Tatarski* – Zamosc, 1935.
25. *Kryczynski S.* Ze starych modlitewnikow // *Przegląd Islamski.* – Warszawa, 1936 – Nr. 4-5.

26. *Szynkewicz J.* O kitabe // Rocznik Tatarski – Wilno, 1932. – Т. I.
27. *Drozd A., Dziekan M., Majda T.* Pismiennictwo i muhiry Tatarow polskolitewskich. – Warszawa, 2000. – Т. 3.
28. *Мишкинене Г.* Каталог арабскоалфавитных рукописей / Г.Мишкинене, С.Намавичюте, Е.Покровская – Вильнюс, 2005.
29. *Думін С., Канапацкі І.* Беларускія татары. Мінулае і сучаснасць. – Мн., 1993.
30. Тюркские народы в истории Беларуси: материалы IX Международной научно-практической конференции. Минск 3-5 сентября 2003 г.: в 2 ч. – Мн., 2005. – Ч.2.
31. *Кушнер В., Люты А.* Мір нашаму дому. Памяці Юлія Барысавіча Канапацкага // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – №10.
32. Рукапісы беларускіх татараў канца XVII – пачатку XX стагоддзя з калекцыі Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі / укладальнікі: І.А.Ганчарова, А.І.Цітавец, М.У.Тарэлка. – Мн., 2003.
33. *Гарэцкі М.* Гісторыя беларускай літаратуры. – Вільня, 1920.
34. *Карский Е.Ф.* Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
35. *Канапацкая З.І.* Да пытання паходжання і вывучэння беларускіх тэкстаў, напісаных арабскім пісьмом // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы навуковай канферэнцыі. – Мн., 2001. – С. 72-76.
36. *Канапацкая З.І.* Матэрыялы па гісторыі татар-мусульман в фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (конец XVIII-начало XX века) // Гісторыя Беларусі: новае ўвасабленне і выкладанні: матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. – Мн.: БДПУ, 2002. – С. 232-235.
37. *Канапацкая З.І.* Культура літоўскіх татар XIV-XVII. Істориография вопроса // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі – Мн.: БДПУ, 2003. – С. 115-120.
38. *Канапацкая З.І.* Татары-мусульмане Вялікага княства Літоўскага ў XVI-XVII ст. // Актуальныя пытанні сучаснай навукі: зб. навук. прац. У 2 ч. – Мн.: БДПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 231 с.
39. *Канапацкая З.І.* «Risale-i-Tatar-i-Lech»«Рисале-и-татар-и-лех» – каштоўная крыніца па гісторыі літоўскіх татараў XVI ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 7. – С. 33-40.
40. *Канапацкая З.І.* Гербавыя знакі татар у ВКЛ // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2005. – № 1.